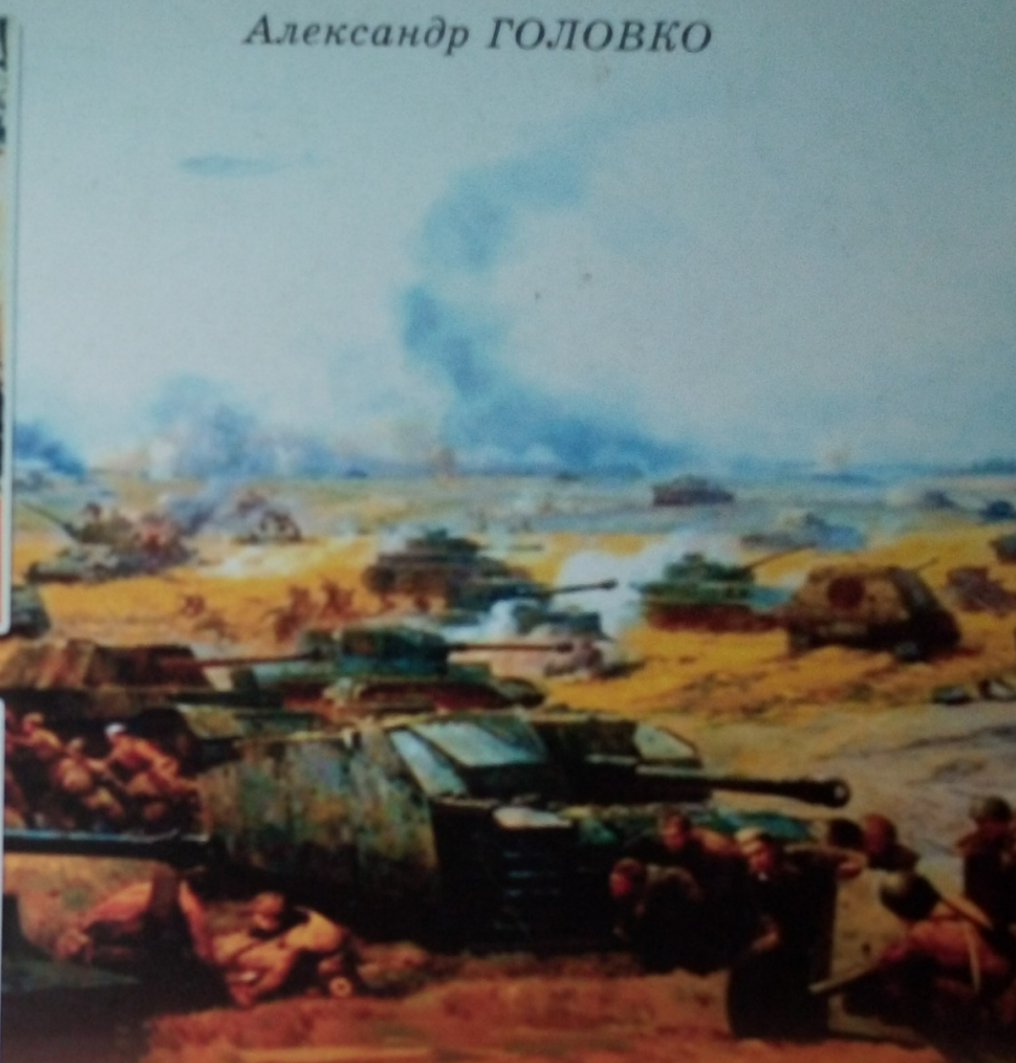


Александр ГОЛОВКО



НЕМЕЦКИЙ ТАНК
ЗДЕСЬ НЕ ПРОЙДЕТ!



**ТАМ, ГДЕ ПЕХОТА
НЕ ПРОЙДЁТ...**



**СУВОРОВ,
КОЛОНТАЕНКО**

12+

Александр Головки

**Там, где пехота не пройдет
Суворов. Колонтаенко**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Головко А. В.

Там, где пехота не пройдет Суворов. Колонтаенко /
А. В. Головко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Герои книги – реально существовавшие люди, участники ВОВ. Документы, и фотографии предоставлены сыном и зятем фронтовиков, о которых здесь пойдет речь. Первая часть о И. В. Суворове – художественная, написана стихами и так называемыми «белым стихом». Вторая и третья часть книги - смешанным жанром, включающим документы фронтовиков и стихи автора, посвященные герою-лётчику Г. П. Колонтаенко, ставшего Героем Советского Союза всего на несколько часов... Книга рассчитана на широкого читателя, будет интересна подрастающему поколению. Приведены подлинные документы фотодокументы, письма и воспоминания героев повести, однополчан.

Содержание

Лирическое вступление	5
ЧАСТЬ 1 Фронт польхал...	10
Думы о былом ...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Головки

Там, где пехота не пройдет Суворов. Колонтаенко

Лирическое вступление

*Поэмы нынче не в чести:
Читать не любят, труд огромный
Иван Суворов, ты прости,
Воздать хочу тебе стих скромный,
Твой ратный труд и путь воспеть,
Пока могу, хочу успеть...
Ты жизнью Родине служил –
Прошёл войну, но скромно жил,
Ушёл, не оценён, быть может...
А я желаю в меру сил
Всем сердцем подвиг твой умножить,
Я долго мысль о том носил –
Поведать миру о тебе.
И пусть Матросов был, Маресьев,
Не меньше испытал ты бед,
Победы ты познал, как песни,
И песен было, как побед!
От сердца, а не от ума я
Тебе стихи свои слагаю.*

Связь времён

Текут века, ложась на память грузом,
Но незабвенны имена святые,
Как Невский, как Суворов и Кутузов,
Которыми гордится вся Россия.

Суворовыми в детстве стать мечтали,
Пример в баталиях он доблести и чести;
Враги, услышав имя, трепетали,
Был не подвластен подкупу и лести.

В баталиях познал он вкус победы,
Был строг, но справедлив ко всем солдатам.
Он с ними боль и тяготы изведal
В сражениях не раз на поле ратном.



св. блгв. кн. Александр Невский (1220-1263)



св. блгв. кн. Дмитрий Донской (1350-1389)

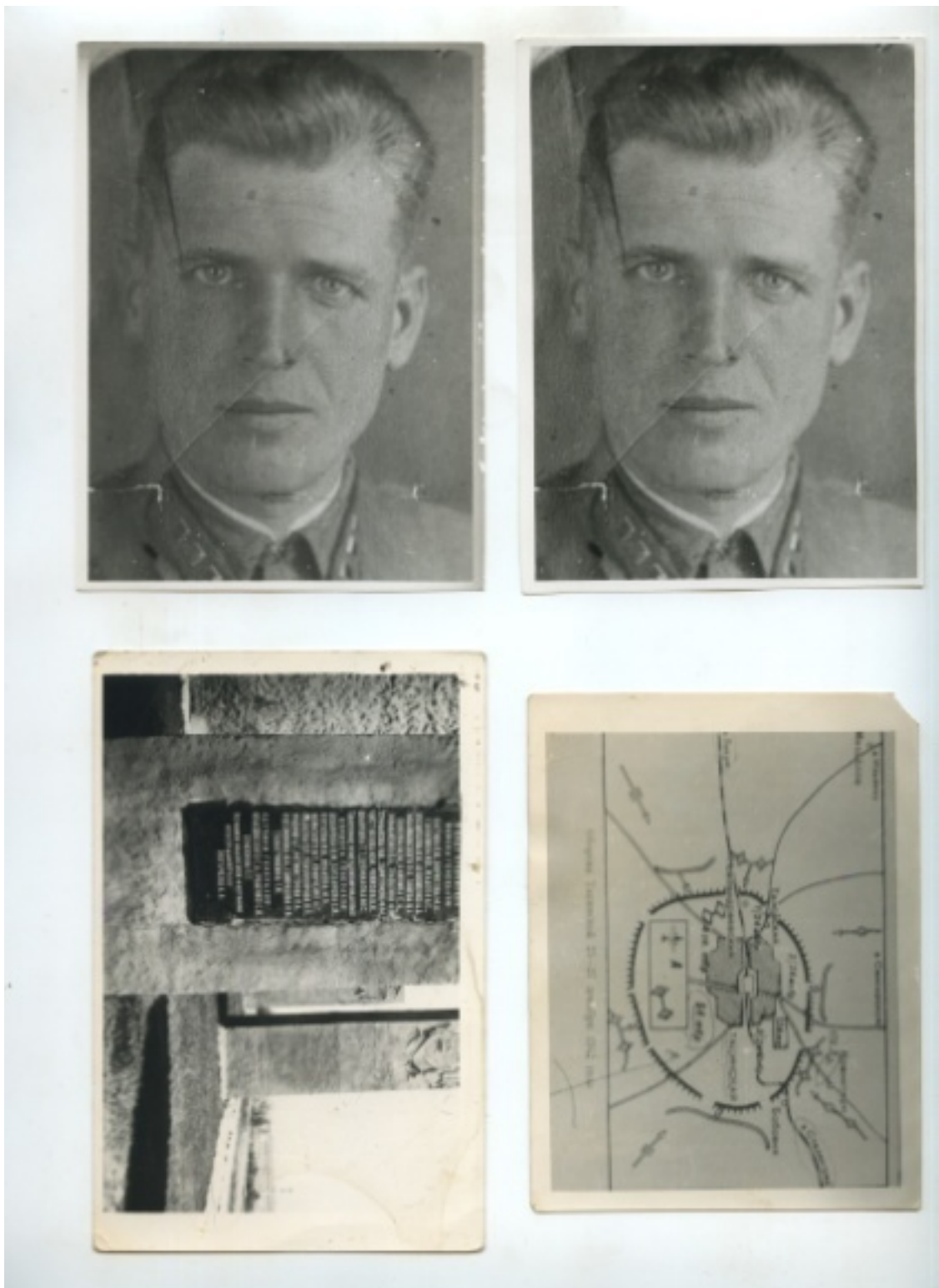


Суворов Александр Васильевич (1729-1800) – великий русский полководец, генералиссимус, не потерпевший ни одного поражения.

Суворов у полководца с виду норов,
Подтянут, сухопар, не прост собой,
Навек вошёл в историю Суворов,
Тем, что победно вёл полки на бой.

И на Суворова равняемся мы свято.
Он сквозь века нам светит как маяк,
И пусть запомнит вероломный враг,
Что Русь мы защитим, как он когда-то!

От Александра Невского, Донского
До наших дней, что бед, тревог полны,
Храня Россию от врага лихого,
Стоят на страже верные сыны.



Иван Суворов

* * *

Я думаю о подвигах России:
Таких у нас Суворовых немало –
Во все века нам славу приносили
Сыны Отчизны на полях кровавых...

ЧАСТЬ 1 Фронт полыхал...



Фронт полыхал, гремела канонада, тревожно, холодно за бруствером бойцам.

В ночи стояли призраком зенитки, и от разрывов дыбилась земля, замёрзшими кусками разлетаясь.

И в сполохах, как трещины, окопы, а танк коптил, как свечка, у бугра. Среди выжженной земли боец устало от пули шалой тихо умирал...

Руины Сталинграда в чёрном мраке и стылый воздух порохом пропах. Не звёздных войн дыхание – земное, земных пришельцев горе разлилось. Они пришли уверенно и нагло, не зная поражений до сих пор.

На этот раз серьёзно снарядились, послушных сателлитов под оружье поставили фашисты, и решили СССР «блицкригом» покорить.

Обрушилась жестокая машина на Родину мою со страшной силой, без сбоев по России покатила, сметая всё... Чудовищем рычит, и нет спасения ни днём, ни ночью. Как грозная внезапная стихия, разверзлась вдруг напасть, чтоб ей пропасть...

В огне вот захлебнулась Украина и Беларусь. И юг с желанной нефтью – рукой подать...

Машина Вермахта на полную крутилась, Европу придавил её сапог, и гусеницами танков всё утюжа, по западным окраинам помчались, скача по городам и деревушкам, озёра и речушки замутняя, круша берёзки, васильковость лета, непуганую мира тишину, синь неба заслоня чёрной тучей. Безвинных стариков, детей и женщин пленяя и творя повсюду зло...

И всё же просчитались генералы, и бесноватый фюрер их зарвался. Забыли прежних викингов-варягов, наполеонов, карлов и поляков, что хаживали к россам за «гостинцем».

Предупреждали Гитлера пророки: напрасный труд ходить с войной в Россию, она колосом глиняным лишь мнится, осыплется песок, под ним – кольчуга, расправит богатырь могучий плечи, и понесёт по кочкам, буеракам, покажет упырям он мощь свою.

Но Гитлер думал: он-то самый умный. И не в пример – позор поляков-шведов, наверно был он двоечником в школе... Искал опору в тёмных силах бездны, уверовав в своё предназначенье, что миссию особую свершает, как Прокуратор Рима среди евреев, придумав превосходство «высшей расы». Полмира он решил завоевать.

Все ж адская машина поперхнулась, загадочною русскою душою да в купе с нашей русскою отвагой, о чём всё время как-то намекали... но эйфория разум заслонила.

И вскоре сбой пошёл в фашистских планах, как Гитлер, генералы ни старались. Турнули от Москвы и в Сталинграде, как на Кавказе, – вышло боком тоже. Им Сталинград стал камнем преткновения, здесь по уши застряли оккупанты, ни 6-я армия – ни взад и ни вперёд.

В жестокой схватке крепко мы сцепились – тяжёлые бои за каждый холмик, за каждый дом шли на смерть, не на жизнь! Воители застряли, как в болоте.

Две Армии советских войск на марше спешили к сталинградцам на подмогу, врага по флангам сходу окружая.

У русских всюду шло с опережением. Включалась пресловутая смекалка, не ожидая сверху циркуляров, стратегию решали по-мужицки: в борьбе за жизнь себя не пожалели, для этого все средства хороши!

В тисках врагу сжимая шею хватко, надежду на отходы отрезали. Давили, словно гадину, всё крепче, затягивали петлю всё сильнее.

Железный вермахт затрепал, как тряпка, что с силою могучей разрывают... Фельдмаршал Паулюс, служака и вояка, со всей своей хвалёною ордою, был окружён и деморализован, но... не терял надежды на прорыв.

В Германии же бесноватый фюрер, слюною брызгал в злобе и бессилье, собрав свой штаб и храбрых генералов, их распекал, они не понимали, в чём их прокол, где сбой в мозгах случился. Машина без изъянов – буксовала, и это невозможно объяснить. Кольцо вокруг стремительно сжималось.

Здесь, в кажущемся хаосе военном, в усталой рукотворной кутерьме, таилась предрешённость поражения очередным пришельцам оголтелым, что с Запада наведались к нам снова российскую отвагу испытать ...

* * *



Промозглым, неудобным был декабрь. И пауза зависла в небе птицей. Неумолимость мести и расплаты витали, словно пар от выдыханья, неясен был пока исход сраженья, но назревало что-то исподволь...

А голод-холод – русский наш союзник, врагу моральный дух точил всё больше. Снарядов нет и мало провианта, что дохлую конину стали есть...

И выпал нам беспрецедентный случай: непобедимости врага развеять мифы. Но нужно было что-нибудь такое – из ряда вон решительное сделать – переломить сложившийся столь хрупкий баланс на Волге к нашей стороне.

* * *

В тылу врага аэродром надёжный у станции Тацинской находился. Оттуда – мост воздушный к Сталинграду налажен был, пока что помогал он держаться окруженцам в обороне.

Ватутиным – командующим фронтом придуман план рискованный, но верный: рассчитан – чуть на русскую отвагу и где-то на российское «авось». Верховному о плане доложил он: «Опору у противника чтоб выбить – отправить нужно рейд в глубокий тыл, в район Тацинской станции, где немцы имеют базу и аэродром. И надо уничтожить эту базу любой ценой, тогда на этом фронте мы сможем обеспечить перевес».

План Сталиным одобрен, и из Ставки Ватутиным получен был приказ: «Держать комкору лично под контролем секретной операции исход».

24-й корпус подготовлен – танкисты и стрелковая бригада. С армейских складов срочно доставляли боеприпасы танкам и горючку. К началу выступления «на брата» раздали всем по два боекомплекта, соляры танкам тож по две заправки, пехоте и танкистам на дорожку – пять сутодач¹ – харчишек в дальний путь.

Назначен генерал-майор Баданов возглавить этот рейд беспрецедентный. Доверие имел у подчинённых, авторитет немалый заслужив. В Гражданскую познал богатый опыт, сражаясь в Красной Армии, усвоил Баданов по Суворову науку – не силой, а умением побеждать. Умел он, если надо, партизанить, вести бои с противником в тылу. Став кадровым военным, он в 20-х – 30-х путь прошёл вполне успешный – от командира роты до комдива.

Стал ключиком условным рейд опасный в боях за осаждённый Сталинград! Все знали, это пахло авантюрой, но дерзость – главный козырь на войне. Потерями немалыми грозило такое предприятие для русских. Но кто считал заранее потери? Товарищ Сталин точно не считал, – момент назрел, какие здесь сомненья: иль грудь в крестах, иль голова в кустах...

Судьбой даётся шанс такой не часто, благоволит победа тем, кто смел, успешен, успех же операции возможен, когда желанья дружат с головою. Мы на своей земле и, надо, братцы, сражаться не жалея живота – с земли родной нельзя нам отступать!



Захват немецкой базы в Тацинской

¹ сутодача – суточная норма продуктов.

Рождественский «подарок»

Войне сентиментальность не чужда. Совпало так, католикам настало встречать на фронте праздник Рождества, под Новый год у них он наступает, как чудо свыше, что дарует Бог. И тут германским доблестным воякам, как ни сказать тост за свою победу, ни выпить шнапс за фюрера всем стоя, за тех, кто ждёт в любимом Фатерлянде? За ненаглядных фрау, малых деток, хранимых в фотокарточках под сердцем – щекастых, белобрых и желанных, что ждут своих Адольфов, Куртов, Гансов, когда они с блицкрига к ним вернуться, – обнимут мутер-фатер, кляйне-майне...

В тоске по временам, что были прежде, за кружкой пива, за весёлым Рейнским, за пенистым шампанским с пузырьками, в Баварии иль в Пруссии немецкой, иль может где-то в Баден-Вюртенберге... ах как встречали Рождество они, под песенки и дружное застолье, в раскачку и под бравое «ха-ха».

Воякам мир казался здесь уютным под Рождество, ничто не омрачало в глухом тылу поприздравствовать беспечно. Им нынче приказали бить Советы, за всех подумал фюрер и – припёрлись, стоят на наших землях – так им надо. Встречать что ль больше негде Рождество?

А отоспавшись, встанут по утрянке, продолжат развлечение людоедов: вновь убивать детей и слабых женщин, славянских непокорных стариканов, с жестокой педантичностью вандалов, чтоб насадить немецкий «Ordnung»^{*2} свой...

И невдомёк воителям набожным пред праздником смирения и веры, что нашим детям подло причинили они своим вторженьем столько зла...

Но в эти дни фашистов ждал «подарок», от Дедушки, от русского Мороза, сюрприз был подготовлен им отменный: из пороха был «сахарный» гостинец, «конфеток-леденцов» на всех с запасом – из крупного и мелкого свинца. Сигар-снарядов, чтоб «курили» вдоволь, с доставкой на танках на места.

И шнапс им стался горькою отравой... С тачанки Громовержца, лишь зарделась заря, как кровь, на фюзеляжах самолётов, что спали по линейкам в шеренгах, на головы беспечного фашиста наслал свои он огненные стрелы, как гром, среди зимы метая с неба.

В подштанниках, как будто, с белым флагом, выскакивали дружно на морозец, а их здесь принимая, угощали огнём снарядов, пулями взасос...

Пытались немцы выглядеть достойно, но без приказа трудно управляться. Куда бежать и как обороняться, когда вокруг земной разверзся ад!

Аэродром. Десятки самолётов. Взлететь, кто порезвее, попытались. Разбег короткий, слишком уж короткий... вонзился «Юнкерс» в танк советский – «Бэмс!». Послышался металла страшный скрежет, взметнулось пламя яростным драконом.

Тут две машины – всё же ухитрились подняться в воздух, но подвёл манёвр их... и самолёты, словно бы в кошмаре, лоб в лоб столкнулись, и раздался грохот, как фейерверк, над степью рассыпаясь, осколки разлетались далеко-о-о!

Зенитчики оправились, и вскоре в упор по нашим танкам стали хлопать.

Вот башня танка свечкой загорелась. Танкисты тут же, как сурки, из люка, откинув крышку, пуль вылетали. Огонь кинжальный двух пришилил насмерть к броне на миг иглой своею жгучей, короткою и с «ниткою» свинцовой. Худой танкист змеей пополз горящей, от боли сильной корчась, извиваясь, но вскоре в страшной позе успокоясь...

И всё же наши смяли оборону, противник опрокинут, и с разгону давили танки «хенкелей» фашистских, и «юнкерсов» крушили, увлекаясь, они хрустели смачно, как капуста –

² Ordnung – порядок (немецк.)

домашняя из погреба зимою. Усвоили приём один танкисты: «топтать хвосты стоящих самолетов».

Плескался языком огонь пожаров, багровым колокольным небосводом звенело у фашистов, как на мессе. Безумие на лицах мёртвых фрицев – таков эффект внезапности имел!

* * *

Полста четвёртой танковой бригады с десантом танк один прорвался, он мчался на подмогу первой группе, расстреливал фашистских недобитков. Солдаты и пилоты укрывались между стоящих грудой самолётов. То в панике – туда-сюда метались, в кальсонах, босиком, в комбинезонах по снегу и кричали: «Main got!», «Main got!», «Main got!»³

Иные же отчаянно сражались, десант наш наседавал на них повсюду, стреляли автоматчики с колена, давили танки фрицев на ходу.

На марше 130-я бригада Тацинскую станицу захватила, уничтожая сходу оборону – расчёт артиллерийских батарей. Машины пробивались краем поля, в кольцо аэродром беря, крушили хвосты и фюзеляжи самолётов.

А рота капитана той бригады (фамилия его была Нечаев) себя в бою примерно показала: из строя выводила батареи и до десятка танков грозных «Тигров» оставила на поле догорать.

Был ранен в танке тяжело Нечаев, но всё же не бросал с врагом сраженье. Когда его тридцатьчетверку подбили вдруг снарядом, он направил горящий танк на танк фашистский, в броске таранив «Тигра» в бок собою, как будто гладиатор, в том сраженье жизнь на последок дорого отдал...

Нельзя не вспомнить здесь о героизме, что проявляли жители из местных. Танкистам помогали даже дети, прознавшие о доблестном прорыве.

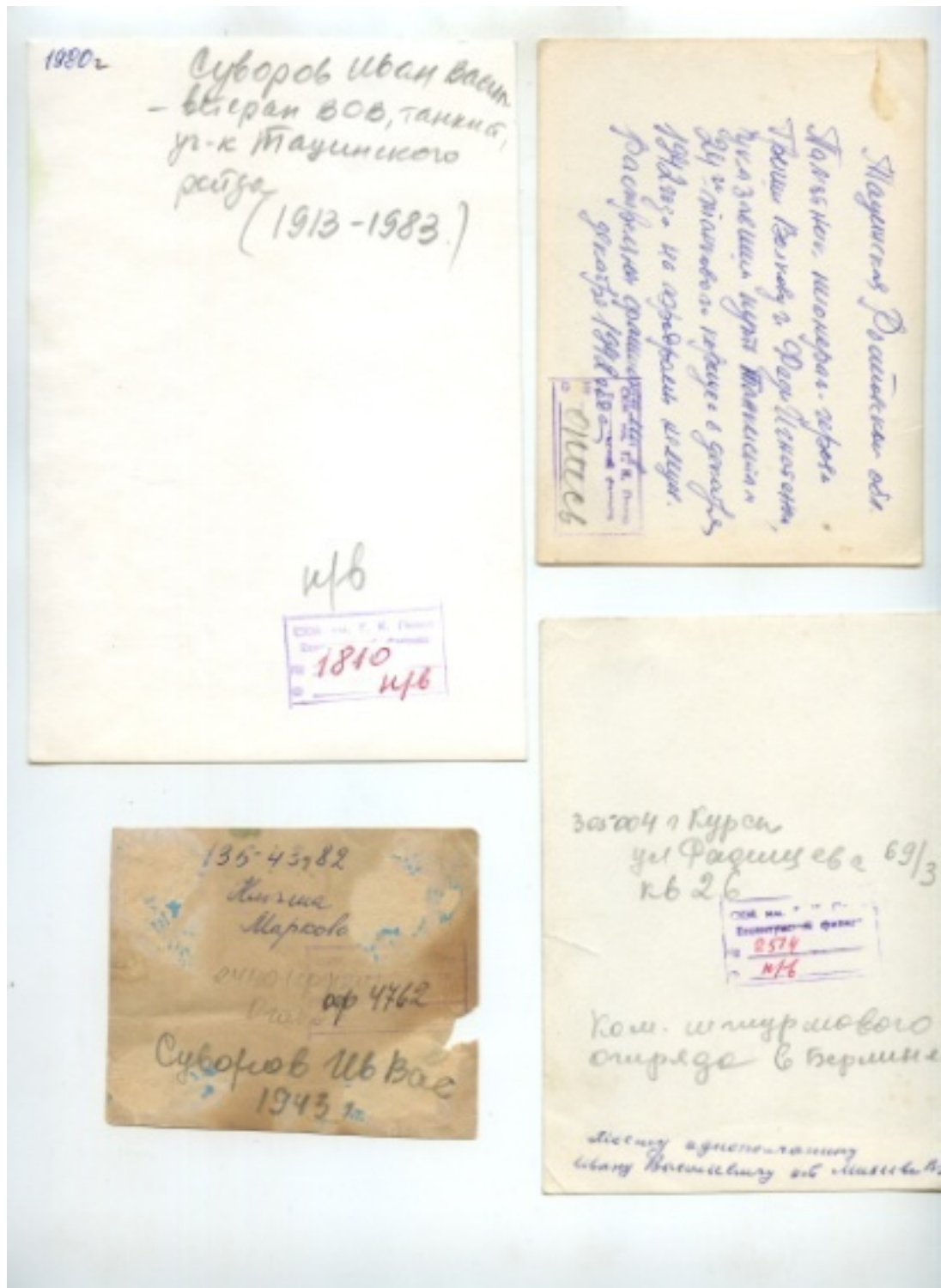
Вот к северной окраине Тацинской пробилась группа Мельника Бориса, чей номер на броне – «полста четыре», мелькал он тут и там в пылу сражения.

Вдруг выскочил навстречу танку мальчик, он сообщил, что рядом за домами противник затаился с батареей, к аэродрому танкам не пройти!

Он показал, где прячется охрана. И танки вышли в тыл позиций вражьих, и смяли, словно банки, батареи, к аэродрому выйдя без помех.

³ *Main got – мой бог! (немецк.)*





На оборотной стороне снимка памятного камня написано: «Тацинская, Ростовской обл. Памятник пионерам-героям Григорию Волкову и Феде Игнатенко, указавшим путь танкистам 24-го танкового корпуса в декабре 1942 года на аэродром немцев».

Расстреляны фашистами в декабре 1942 года. (Данные о количестве детей разнятся).

А много лет спустя о том парнишке писал в воспоминаниях участник той битвы лейтенант запаса Мельник: «Мальчишка, что помог нам снять засаду, в пылу сраженья как-то потерялся... Его я встретил сразу после боя. Шагал усталый, словно прокопченный, на шее автомат

висит трофейный, на поясе – тяжёлый парабеллум. Был не один, с ним – пара добровольцев, росточком чуть поменьше, ополченцев.

А звали неизвестного героя Гришаня Волков, лет ему – тринадцать. С врагом проклятым дрались те ребята: за дом родной, за милую округу, за улицу, за школу за друзей. Фашисты жизнь им мирную сломали, над Родиною грубо надругались, и потому-то даже ребяташки не побоялись и ввязались в бой. Сознательно, безвестные герои, по зову сердца наравне с отцами, по взрослому с врагами воевали, не за признание, и не за награды – мальчишки, повзрослевшие в войне...»

Тяжелое смертельное сражение вёл корпус в окружение очень долго. И танки маневрировали наши, мотопехоте в схватке помогая.

«Когда же мы станицу оставляли, – писал еще в воспоминаньях Мельник, – то у пруда мне встретился мальчишка, в траншее пулемёт большой, трофейный, прижав к груди, в засаде ждал врага. С ним – два мальчика, вконец изнеможённых. Стреляли из немецких автоматов, вдоль улицы по наседавшим фрицам.

Танкист Иван из моего расчёта, в сердцах сказал, чтоб уходили!

Они ушли, но вскоре пулемет их вновь справа от Тацинской застрочил.

Фашистам не составило усилий: насесть всей мощью на мальцов отважных.

Подростков расстреляли, я в бинокль увидел казнь, но был бессилен, да и приказ был – «С боем отходить!»

Мы в боевом порядке шли, а нас противник атаковал дивизией на марше, из группы «Пфайфер», упорно наседавая нам на фланги.

И мы, рассредоточась, отбивались, прикрыв обоз, – его вперёд пустили, с трудом мы от врага все ж оторвались.

Оставили они на поле боя семь танков, ну и нам в бою досталось, – ребят немало тоже положили. Колонною к совхозу Коминтерна нам на Морозовск отходить пришлось.

Двадцать четвёртый танковый наш корпус перемещался к северу с боями, задачу завершая, отходили по стылой и заснеженной степи».

* * *



Об этом событии в 1952 году западногерманск

ая газета "Die deutsche Soldatenzeitung" сообщила под заголовком «О тех, кто вырвался из преисподней, или кровавая баня в Тацинской»:

«Уцелевший летчик гитлеровских ВВС Курт Штрайт поведал: «Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди».

** * **

Суворов И. В., командир роты средних танков 54 танковой бригады 24-го танкового корпуса, переименованного впоследствии во 2-й гвардейский Тацинский, к которому Ваш город имеет прямое отношение.

В 1942 году в городе Новочеркасске этот корпус был сформирован из поступивших с завода города Челябинска танков. В 1942 году наши войска вынуждены были отступить, с тяжелыми боями оставляя города, был оставлены города: Ростов, Воронеж, Курск, Белгород, в тяжелом положении были войска 52 Армии генерала Чуйкова В.И. окружившие 6-ю армию Паулюса и сами воевавшими в окружении.

Перед войсками Юго-Западного фронта была поставлена задача – не допустить соединения окруженной Сталинградской группировки Паулюса с наступавшими немецкими частями армии Манштейна, спешившими ей на помощь. Группировка получала боеприпасы, питание и медикаменты через воздушный мост, организованный немцами с помощью авиации, базировавшейся на аэродроме станиц Тацинской и Морозовской, где находились и крупнейшие базы снабжения немецких войск.

Ставкой Верховного Главнокомандующего была поставлена задача командующему Воронежским фронтом генерал-полковнику Ватутину Н.Ф. уничтожит эти аэродромы и базы вместе с находившимися там транспортными самолетами. Выполнение поставленной задачи было поручено командиру 24 танкового корпуса Баданову В.М.

18 декабря 1942 года начался знаменитый рейд в тыл врага.

В составе корпуса входили 4-я, 54-я, 130-я танковые бригады, 24-я мотострелковая бригада, 413-й минометный дивизион и 658-й зенитный полк. Всего в корпусе было 10709 человек, 208 танков. Такая масса не могла быть незамеченной врагом, и на всем пути корпус постоянно подвергался бомбардировкам с воздуха.

Суровая зима 1942 года и отсутствие дорог, глубина выпавшего снега иногда была больше метра, что затрудняло движение корпуса. Необходимость постоянной маскировки большого количества танков, орудий и людей, вынуждала двигаться даже ночью в условиях нулевой видимости. Пользоваться фонарями запрещалось.

Трудная обстановка требовала от всех бойцов героизма по выполнению поставленной задачи. За шесть дней корпус преодолел 240 км., по пути освобождая захваченные немцами села и деревни, уничтожая технику и солдат. Так в бою за Маньково было уничтожено 800 итальянцев и две зенитные батареи, захвачено 300 автомашин, которые потом были использованы в наступлении.

Были уничтожены гарнизоны в Ильинке, Большинке, Скосырской, в районе Криворожья были уничтожены остатки 11-й пехотной дивизии немцев и 24-го декабря корпус вышел к Тацинской. Немцы не ожидали появления советских танков у себя в тылу.

Как пишет в книге «Поход на Сталинград» участник тех боев генерал Ганс Дерр: «В первые дни были разгромлены соединения, оборонявшиеся в тактической глубине и в результате быстрого продвижения советских войск уже 23 декабря нависла непосредственная угроза над важной базой снабжения немцев – Тацинской и аэродромом, с которого снабжалась 6-я армия.

24 декабря, писал далее Дерр, кризис на этом участке фронта принял драматический характер. Немецкие, румынские итальянские войска беспорядочно отходили на Юго-Запад. Танковый корпус, не останавливаясь, к рассвету 24 декабря ворвался на аэродром и железнодорожную станцию. Немцы уже готовились праздновать католическое Рождество, не ожидая появления советских танкистов у себя в тылу.

Начался кровопролитный ад, танки прошили по хвостам самолетов, стоявших на взлете, уничтожая охрану аэродрома и бежавших к самолетам летчиков.

После уничтожения аэродрома, железнодорожной станции, где были уничтожены разобранные пятьдесят самолетов, три склада с продовольствием, пять складов с боеприпасами, несколько эшелонов с авиационным бензином, корпус занял круговую оборону, чтобы сковать немецкие войска.

С выходом 24 танкового корпуса в район Тацинской и ударом войск Сталинградского фронта, наступление Манштейна захлебнулось. С потерей Тацинской снабжение войск окруженной армии Паулюса прекратилось, тех запасов, что были у немцев, им хватило на месяц, и 6 февраля 1943 года армия Паулюса капитулировала. Около 600000 немцев попали в плен.

24 танковый Корпус Баданова В.М., после уничтожения аэродрома в течении нескольких дней, вел в окружении тяжелые бои с немецкой группировкой, брошенной по приказу Гитлера на уничтожение дерзких советских танкистов, и только благодаря военной смекалке и гибели 300 воинов, прикрывших отход корпуса, 29 декабря корпус вырвался из окружения.

О тяжести тех боев говорят следующие цифры: в начале рейда количество бойцов – 10709 человек. Вышло из окружения – 927 человек. Количество танков – 250. Вышло с боями – 58 танков; уничтожено – 3500 немцев, 10 батарей, 300 самолетов, 15 танков, 106 орудий.

С самого начала операция планировалась, чтобы любой ценой сковать максимальное количество вражеских войск на максимальное возможное время.

Маршал Советского Союза Василевский А.М. писал, что наш успех, вынудил немецко-фашистское командование отказаться от намерения направить части и соединения оперативной группы «Холлидт» и 42-го танкового корпуса на помощь котельнической группировке, предназначенной для деблокирования армии Паулюса.

С выходом 24-го танкового корпуса в район Тацинской и, от удара войск Сталинградского фронта, наступление Маништейна захлебнулось.

25 корпус, находившиеся в 40 км. от Тацинской, не смог пробиться на выручку 24-му танковому корпусу, хотя Ставка телеграфировала: «ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ СПАСИТЕ БАДА-НОВА».

* * *

Данные о потерях: Прорвавшийся в глубокий тыл противника 24-й танковый корпус под командованием генерал-майора В. М. Баданова, был сформирован в ноябре 1942 года. В состав корпуса входили: 4-я гвардейская танковая бригада, 130-я танковая бригада, 24-я мотострелковая бригада, 413-й отдельный дивизион гвардейских миномётов (катюши), 658-й зенитный артиллерийский полк.

*За время рейда было уничтожено 11292(3500)*⁴ солдат и офицеров противника, взято в плен 4769 человек. Только в районе Тацинской уничтожено до 10 батарей, самолётов, по разным данным от 351 до 431(300), танков – 84(15), орудий разного калибра – 106(50). Кроме того разгромлен в тылу противника крупный стратегический аэродром, база снабжения, гарнизон, дислоцирующийся там, три склада с продовольствием и пять с боеприпасами, уничтожено 300 тонн бензина.*

Прорвавшись на железнодорожную станцию, танки уничтожили несколько составов с топливом, пятьюдесятью разобранными самолётами и сотней запасных двигателей для самолётов. Всё вышеуказанное предназначалось для окружённой армии Паулюса.

Фюрер потребовал уничтожить советских танкистов, находящихся ещё в немецком тылу. Да и штаб Советской Армии требовал от Баданова не отходить, а сковать как можно больше войск противника. Задержавшись по этим причинам, 24 танковый корпус понёс неоправданные потери, но в ночь на 29 декабря остатки корпуса смогли вырваться из кольца блокады.

Что им оставалось – бессмысленно погибнуть, выполнив приказ, поскольку сражаться было нечем. Кончались боеприпасы, горючее, не говоря уже о продуктах. Но руководство это не волновало. Танкисты, показав филигранное искусство маневрирования и ведения боя в тяжелейших условиях, выжили, сохранив имя, накопив беспримерный опыт, внесли свою лепту в последующие схватки с врагом.

В живых осталось только 927 бойцов из почти 12 тысяч первоначально отправленных на операцию. Выжили самостоятельно из операции 58 танков из 250 (по другим данным из 208). Задача, поставленная перед рейдовиками, была выполнена, но оценена командованием слабо. Этот рейд изначально планировался как «рейд в одну сторону».

За эту операцию 24 танковый корпус был назван «2-м гвардейским Тацинским». Командиру корпуса В. М. Баданову было присвоено звание генерал-лейтенанта, и его наградили орденом «Суворова 2-й степени» за №1, только что утверждённой наградой Президиума Верховного Совета. Героем Советского Союза стал только командир танкового батальона капитан М. Е. Нечаев (посмертно).

Успешное проведение Тацинской операции полностью лишило 6-ю армию Паулюса возможности оказывать сопротивление нашим войскам, и им пришлось капитулировать.

⁴ Данные в разных источниках разнятся. В скобках указаны данные генерал-майора Э.В. Порфирьева.

* * *

Поведать о героях – мало прозы, душой к возвышенному слогу тянет. Участники похода, словно в сказке: былинные герои – Пересветы, Никитичи, Добрыни, Ярополки и Муромцы – прошли по басурманам. И удаль, и отвагу показали, как русичи в сражениях, и ныне противника сумели победить!



Пленённый Паулюс даёт показания.



Колонна военнопленных немцев.



*Гвардии лейтенант Суворов и гвардии капитан Логинов.
Дрезден, 1945 год, госпиталь.*

Бой за Тацинскую.

А что же наш Суворов? – Он танкистов
Родную роту в рейде возглавлял.
Был комиссаром, бил, как все, фашистов,
Себя среди других не выделял.

Рассказывая о былых походах
В победный год, когда цвели сады,
Он вспоминал те боевые годы,
Своих друзей погибших молодых:

– Мы знали всё о точке невозврата,
Дойти туда, а как потом назад?
Коль повезёт – с победою обратно,
Но так ничтожен на возврат расклад...

Боекомплект, как водится, был полон.
И шли ребята сквозь огонь и дым,
Солдат в войне судьбе своей не волен,
Но как нам жить хотелось молодым!

Ребята в танке – как родные братья,
(Будь командир ты или рядовой),
Хотел бы поимённо всех назвать я,
Тогда из них ведь каждый был живой...

В большом и крепком этом механизме
Я тоже был лишь винтиком одним,
Но вместе дрались мы во имя жизни,
Дух общий был в бою непобедим!

И пусть враги сильны, кто б сомневался,
Но знали мы, за что на смерть идём!
Мой командирский танк вперёд прорвался –
Топтал зенитки сталью, бил огнём.

Фашисты драпали. Из пулемётов
Мы укорачивали их неверный бег,
Потом добрались и до самолётов,
И – ну давай давить их в грязный снег!

Мы мяли «Хенкелей», их фюзеляжи,
Шли с «Юнкерсами» на земной таран.
Те складывались кораблём бумажным,
И разрывались с треском пополам.

Фашистов проутюжили с размахом,

Снег превратив в кровавое желе.
Всё кончилось для немцев полным крахом:
Осталась эскадрилья на земле!



медаль «За оборону Сталинграда»

Думы о былом ...

Итак, Суворов. Давние записки – клочки оставшихся нелёгких дат – о прошлом, о войне, однополчанах. Но, может, поздновато вспоминать...

– В земле братья, имена их стёрлись, с кем я делился хлебом и махрой. Из боя выйдя, в танке засыпали, в короткие от боя передышки, одной семьёй, уставшие бойцы. Без сил лежали рядом мы вповалку, в уставшем чреве танка, все забыв.

Хоть зной, хоть стужа, спать всегда хотелось. А до войны – гуляли по ночам, с подругами встречались в родимой довоенной стороне. О светлой жизни, будущем мечтали, весь день в заботах, танцы вечером – кружили в клубе вальсы и фокстроты. До зорьки мы с подругами гуляли, а утром с ног валились, засыпая, за что бранили старшие порой...

Эх, где ж вы, где, денёчки золотые, умчались в бесконечные миры, как облака по небу улетают, назад не возвращаясь никогда...

Марию встретил – милую малышку, голубку белокрылую свою! И чувство в нашем сердце народилось, и зацвело, как розовый миндаль. Её я среди других девчат приметил, ухаживая, сердце предложил. И, сочетавшись, мы с моей Маришей, пошли по жизни торною тропой.

Валера, сын родился в сорок первом – наш первенец, восторг я не таил, но тут война все планы оборвала...

Как сон кошмарный всё смешалось сразу: о Родине заботы, о своих... Разлились краски, в них беда и горе измазали Надежду чёрным цветом. Он с красным цветом – цветом нашей крови, сливался и с солёно-горьким вкусом, со вкусом слёз напитков тот – коктейль. Четыре года смерти ненасытной, гулявшей по России и в Европе, пока не нахлебались тех страданий, беды со жмыхом, горя с лебедой, пока войну, как бешеную псину, не придавили в логове её.

Сознание война перевернула, взяла нас в плен, согласья не спросив. Впиталась в поры, думы, души, судьбы, калеча и увеча миллионы, она вычёркивала прочь из нашей жизни родных и близких, сделав мир пустынным, как выжженную, знойную Сахару.

После войны, войной мы долго жили, в воспоминаньях сердце беря, и возвращаясь к прошлым дням жестоким.

И снились сны, в них люди воскресали, убитые друзья и сослуживцы, в них с немцем бьюсь по-прежнему в бою... Те сны я вижу, словно наяву. Вот и сегодня друг-однополчанин приснился: тихо постучался он в дверь мою, весь пеплом запылённый, с войны вернулся запоздало так. Дверь распахнул – стоит с пустой котомкой, молчит, в глазах его стоит немой вопрос...

– Василий, ты живой? Тебя же в мае шальная пуля прямо у Рейхстага сразила в грудь... Погиб и Павлов, Муковоз и Пушкин. Ах, как же горевали мы тогда...

Прошел ты всю войну, браток, и очень горько «под занавес» от пули умирать...

На жизнь тогда мы право заслужили, судьба с тобой жёстко обошлась. Конец войне, загадывали планы, хотелось петь, к Победе был лишь шаг, но смерть слепа, безжалостна, коварна. Мне за тебя две жизни не прожить...

Штрихи к портрету

«Участник Курской битвы», – только строчка
Из биографии, что собственной рукой
Написана. И маленькая точка,

А что за нею, крохотной такой?

За ней и кровь, и смерть, потеря близких –
Не позабыть бы в суете теперь,
Скорбят, взметнувшись в небо,obelisks,
Им не учесть бесчисленных потерь...

Фашистский монстр возник, как из могилы,
Обрушился на нас в стальной броне,
Мы отступали, собирая силы,
Чтоб победить и выстоять в войне.



Ворота в Освенцим

И где там место было человеку
Среди огня, железа, скоростей? –
Не снилось ни шумерам и не грекам
Таких масштабов и таких страстей!

И здесь Суворов не сплосал, не сдрейфил,
В едином механизме он сполна,
Как молотом, бил по фашистской трефе,
И пятилась проклятая война...

Ещё шаг вперед, когда Освенцим
Освободили, пленным волю дав,
Был поражен тем, что творили немцы...
Такого не забудешь никогда.

Нет слов, чтоб описать весь этот ужас,
Фашизма зверский шерился оскал,
Но зверя Гитлер был гораздо хуже,
Ведь зверь себе подобных не пытал...

В войне чего мы только не видали,
Весь этот адский на земле котёл...
И в том аду вдруг встреча, что не ждали, –
Танкист наш ротный брата вдруг нашёл*⁵.

Освенцим, как кусок свинца под сердцем,
Безвинных душ миллионы загубил.
Как символ смерти, высится Освенцим,
Пылает из разверзнутых глубин.

Там дети плачут в полосатых робах,
Там очередь из женщин, стариков,
И спрута-крематория утроба,
И свастика, как символ тех оков...



⁵ Действительный факт: танкист-однопольчанин И. Суворова при освобождении Освенцима встретил своего брата

Дети концлагеря

Освенцим, как кусок свинца под сердцем,
Безвинных душ миллионы загубил.
Как символ смерти, высится Освенцим,
Пылает из разверзнутых глубин.

Там дети плачут в полосатых робах,
Там очередь из женщин, стариков,
И спрута-крематория утроба,
И свастика, как символ тех оков...

В архивах о страданиях не напишут,
О подвиге бы не забыть потом...
Мы шли вперёд на логово фашистов,
Войны глотая гарь горячим ртом.

Теряли братьев каждую секунду, –
За каждый метр их сотни полегло!
Последние бои давались трудно,
Кому-то под конец не повезло...

* * *

Форсировали Шпрее под Берлином,
И надо же – преградой встал нам мост.
В «ежовых» заграждениях, словно в минах,
Пристрелян был противником форпост.

И политрук Суворов, чтоб не мешкать,
Дружа со смёткой русскою в пути,
Готов погибнуть, лишь бы без задержки
Колонну танков ночью провести.

В кромешной темноте «тридцатьчетвёркам»
Фонариком светил между «ежей» –
Шёл задом наперёд, как среди ножей
Суворов, ощущая мост подкоркой.

Урчали танки, траки цокотали,
Включался маячком по ходу свет.
И гас. Он шёл, не думая о стали,
Что жиганёт вдруг в спину и – привет...

Споткнётся и свои задавят танки...
Но эти мысли отгонял он прочь.
Так сердцем освещал дорогу Данко,
А он в союзницы призвал слепую ночь.

Конец моста, кончаются перила.

Немецкая проглянула луна,
И, устыдившись будто, лик свой скрыла,
Но помогла сойти с моста она.



Броня крепка и танки наши быстры!

И отлегло. Уж в небе посветлело,
Домов углы нависли с двух сторон.
Он отскочил к стене, прижался телом,
А мимо танки – несколько колонн.

След в след прошли, дистанция – полтанка,
А это риск, но нашим – не впервой,
Ведь скоро спишет страхи все атака,
На новой городской передовой.

Рассвет, другой и – в уличных сраженьях
Фашиста доконаем, взяв Рейхстаг.
Конец войне, мир – до головокруженья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.